

Евгений Вязанцев

миниатюры

Сон о Пушкине

Осень. В голом воздухе золотая листва летит сквозь пустую беседку.

Стремительный Пушкин в аллее среди летящей листвы, серьёзный и сосредоточенный, вместе с тем лёгкий, мгновенный, словно блик на волнах, весь трепещущий от пронизывающего его радостного творческого подъёма.

Еле заметный промельк. И вот запела в душе вечная мелодия бродячей скрипки случайного счастья. И жизнь озарена смыслом... Озарённость, быть может, и есть смысл.

И эта радость встречи, словно солнечный луч, озаряет полутёмные закоулки сна, падает на сменяющиеся видения:

Зима. Засыпанные снегом стога.

Важные гуси на заснеженном берегу.

Хмурый крестьянин, закуривающий на морозе.

Берёзки в алмазах.

Затем – синие вечерние сумерки.

Тёплое золото первых огней.

Таинственная теплота хлева...

Родные картины, от которых так сильно сжимается сердце.

А вот я далеко на севере, в Томске, в букинистическом магазине, листаю старинную книгу. Наивная прелесть иллюстраций, посвящённых временам года. Я стараюсь запомнить какой-то эпитаф, быть может, даже из Пушкина, но иного, незнакомого здесь, на земле.

Три строчки.

Но, когда просыпаюсь, вспоминаю лишь одну:

Зима. Заснежен дом и мы.

Подснежник

Знаменосец весны, не стяхнувший ещё с утренних, рассветных серо-голубых глаз зимнюю дрему, смотрящий на мир с отвагой Магеллана, покорителя голубых горизонтов и некоторой робостью бывшего гадкого утёнка, ещё не осознающего себя прекрасным лебедем.

Мелодия Глюка

Горькая, прелестно-хриповатая и прекрасная, словно тревожная свежесть терпкой, ранящей осени, быстролётно-острая, словно освобождение из острога, трагическая и радостная, словно чувство, с которым порою суждено смотреть на этот острог через много-много лет.

О, аромат умирающего мира! Золотисто-багряной листвы, влажной земли, тоскливой полыни, мокрой коры деревьев, льдистых по утрам ручьёв и пу-

стынных, как воздух, просёлочных дорог, уводящих ввысь, словно оборвавшееся сердце.

О, мелодия, словно нежная и чистая печаль об утраченной и невозвратимой любви, от которой осталось лишь немеркнувшее сияние!

О, мелодия, словно светлое сожаление о несбывшемся счастье, которое даётся лишь раз в жизни!

О, мелодия крыльев, сломанных в зените!

О, мелодия, словно полузабытая улица далёкого-далёкого детства, в лиловом мерцании сумерек и сирени, наполненная неистребимой грустью, которая волнует до сих пор, которая будет волновать всегда, наверное, и после смерти.

Одинокий поезд

Как грустно, должно быть, продымлённому поезду мчаться абсолютно одному сквозь бесконечную ночь мимо случайных, мелькающих иногда, мгновенных станций с хмурыми крохотными перронами и горестными фонарями и затем – пустынными безлунными полями, когда по крыше вагона глухо грохочет равнодушный дождь, до которого никому нет дела и которому безразличны все, когда даже ночное светило сомкнуло усталые глаза и забылось тяжёлым сном под одеялом облака, и вот так всё время мчаться и мчаться, догоняя горизонт, пронзая густеющий мрак неизведанных далее между угрюмых созвездий и томительных туманов, совершенно одному в огромном Мироздании.

Пейзаж после дождя

Озорной ветерок сбрасывает зябкие капли с мокрых деревьев, которые поёживаются от сырости, и зелёные лужи вдоль аллеи тарачат удивлённые глаза.

Наша жизнь

Ум и Душа взглянули друг на друга сквозь стекло, словно бывшие влюблённые за окнами встречных поездов, и разъехались, даже не кивнув друг другу.

Когда весенним ранним вечером...

Когда весенним ранним вечером я прогуливаюсь по городу, над которым пролетел светлый мимолётный ливень, отразивший разноцветные огни машин и светофоров в блестящих лужах и чёрных зеркалах асфальта, когда я люблю эту влажную свежей предсумеречной дымкой, пронизанной горьковатым ароматом тополиной аллеи, тогда мне кажется, что даже греки не смогли исчерпать сущность красоты своим катарсисом, что гораздо важнее простая повседневная красота, которую невозможно постичь, которую так же нельзя выпить, как море, которая лишь разжигает пламенную жестокую жажду жизни и нежеланья расставаться с ней, эта колдовская гипнотизирующая красота, заставляющая забывать обо всём, кроме стремления любоваться ею.

Счастье

Внезапно жизнь преобразается в цветущий весенний сад, напоённый щемящим ароматом жасмина и роз, и светлых лотосов на голубом солнце глубокого озера неподалёку. Тропинки, словно гравием, усыпаны изумрудами удач. На лужайках весело резвятся исполненные желания. Невообразимо чистое блистанье ярко-голубой дали приветливо зовёт и манит там, в далёкой дымке прохладной аллеи. Растения и цветы становятся всё причудливее, роскошнее, праздничнее, ароматы радостней и свежее.

Дымящаяся роса на лепестках подобна счастливым слезам в прекрасных глазах.

Но ты всё сомневаешься, растерян, Бог знает, чем сбитый с толку, не верящий самому себе, и вот ты замер, задумавшись, перед волшебным садом...

Всего лишь отвори дверь и войди.

Цель человечества

Маленький мальчик с такой серьёзностью и глубокой погружённостью в своё занятие нёс траву сквозь кустарники, а двое других на полянке с таким же старанием подсовывали свежие горсти травы под лежащего пса, устраивая ему мягкую постель, что невольно подумалось: у людей ещё есть будущее. Дети в большинстве случаев движутся по жизни правильным путём и лишь потом, с годами, сбиваются с дороги.

Когда-нибудь, наверное, люди научатся – хочется в это верить – взрослеть, совершенствуясь, и, когда они смогут дотянуть лучшее в себе из детства до самой смерти, цель человечества будет достигнута.

Пессимизм

Врождённый пессимизм порою – самый надёжный иммунитет от жизненных невзгод. Невозможно представить себе Шопенгауэра в припадке неврастении, стремящегося наложить на себя руки.

Пессимист – словно восточный деспот, боящийся отравления и заранее приучивший себя к ядам.

А кроме того – и это следует признать, – расстаться с предметом жгучей ненависти – пресловутой жизнью – ничуть не легче, чем с предметом самой пламенной любви.

В ароматных рощах бескрайнего времени...

В ароматных рощах бескрайнего времени, где даже в золотой, расплавленный полдень сумрак под сводами цветущих ветвей, словно голубые облака, где неуловимо скользят светящиеся сквозные синие тени, там слегка прихрамывающие воспоминания старости встречаются с резвыми мечтами юности, которые так любят беззаботно кувыркаться на звенящей от смеха солнечной лужайке, порою они без умолку болтают, бесконечно бубня одно и то же, порою часами молчат, лишь немymi взглядами изливая друг другу душу до дна, одновременно постигая прошлое, настоящее и будущее, и так они не расста-

ются до самого последнего мгновения, которое сотрёт их навсегда, словно ненужные записи мелом на классной доске...

Легенда

Легенда – облако, отражённое в реке истории. Но оно всё же реальней, чем человек, заблудившийся на берегу безвременья в непроходимом кустарнике пустыков, вдали от зеркальных волн, скользящих мимо и влекущих за собой колеблющуюся явь.

Жребий

Приятно смотреть, когда пятилетний малыш, охваченный счастливым пламенем любознательности, стремится извести весь сахар, имеющийся в доме, на «химические эксперименты».

Какой будет его судьба? Чистый родник детства превращается со временем в неудержимый поток. Будет ли он напоминать некоторые реки в Австралии, изображаемые на карте прерывистыми чёрточками, как пересыхающие во время жары? Или Будущее обернётся для него бесплодной, иссушающей пустыней самоубийственных обстоятельств? Это тоже неудивительно, ведь на месте Сахары в древности бушевали полноводные голубые реки и шумели пышно-зелёные, дышащие душистой прохладой, лесные дебри.

Или, начинаясь маленьким источником, едва заметным серебристым ручейком, способным без затруднений протекать под мостом расставленных пальцев руки, судьба станет затем пульсирующей светящейся лавиной, впадающей в бесконечный океан человеческого познания?

Но этот завидный жребий принадлежит рыцарям разума, как и рыцарям сердца, посвятившим всю свою жизнь поиску абсолютной истины.

Весенние воробы

Как бодро прыгают маленькие воробышки на сверкающем карнизе, где и в помине нет ни крошки, каким весёлым солнцем переливаются их голоса, звенящие крылатой радостью открытия Мира!

Сердце искусства

В искусстве способны устаревать любые самые головокружительные сюжеты, самые глубочайшие эстетические концепции, самая ослепительная словесная ткань, но всегда останутся интересны те, кто пишут преимущественно о себе, вроде Достоевского или Кьеркегора, ибо они открывают такие неизведанные дебри, полные паразитических приключений и бездонных таинственных смыслов, по сравнению с которыми полнейшей банальностью показались бы и белые пятна на африканских картах XIX и, впоследствии, покрытые космической пылью следы неведомых существ на далёких неизвестных планетах в самых глухих уголках Млечного Пути.